

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47).084.8

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-230-241>

Между новацией и традицией: праздник Великого Октября в послевоенном Молотове

© Н.В. Суржикова^{a, b}, А.А. Шишкин^a

^a Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия

^b Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Аннотация: Статья посвящена теме подготовки и празднования в провинциальном городе эпохи позднего сталинизма главного советского праздника – годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции. Выделены и проанализированы обязательные процедуры, превратившие не только сам праздник Великого Октября, но и процесс его подготовки в ритуальное действо. Показано, что по своему характеру и содержанию оно мало изменилось в сравнении с предвоенным и военным периодами, если не считать его ориентации не только на прошлое, но и на будущее. Премонстрировано, что, несмотря на взятый властями курс на формирование «новой», советской праздничной культуры, традиционные формы праздничного досуга оставались востребованными. Такие праздничные практики и, в частности, дружеские застолья, смыкались с новой праздничной культурой, будучи по своему характеру практически таким же ритуальным действием, как и обязательная октябрьская демонстрация. Кроме того, эти практики не имели отрыва от повседневных реалий и вкупе с бесконечной советской риторикой подготовки к очередному советскому торжеству превращали границы между праздником и не-праздником в проницаемые. Стыки между непраздничным и праздничным временем становились как минимум мягче и гибче, что разительно отличало советскую модель отношений повседневного и не-повседневного от более строгой досоветской.

Ключевые слова: праздничная культура, функционал праздника, праздничные практики, поздний сталинизм, годовщина Великого Октября, новации, традиции, ритуал, демонстрация, праздничный досуг

Информация о статье: Дата поступления 1 ноября 2019 г.; дата принятия к печати 2 декабря 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Суржикова Н.В., Шишкин А.А. Между новацией и традицией: праздник Великого Октября в послевоенном Молотове // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 230–241. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-230-241>

Between innovation and tradition: the feast of the Great October Revolution in the post-war Molotov

© Natalia V. Surzhikova^{a, b}, Aleksandr A. Shishkin^b

^a Institute of History and Archaeology Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation

^b South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Abstract: This article examines the preparations for, and celebrations of, the most important Soviet holiday, the Anniversary of the Great October Socialist Revolution, in a small town during the late Stalinist era. It determines and analyzes the mandatory procedures that transformed both the 'Great October Holiday' itself and its preparations into a quasi-sacred ritual. It also demonstrates that the nature and contents of this holiday did not change significantly as compared to the pre-war period. Despite the efforts of the Soviet authorities to introduce a new national holiday culture, the traditional forms of celebration remained widely popular. Being no less ritualistic in their nature than mandatory October rallies, old celebration practices, such as dinner parties with friends and family, easily converged with the new holiday culture. In addition, these practices were not separated

from everyday realities and, together with the endless Soviet rhetoric of preparing for the next Soviet celebration, made the boundaries between a holiday and a non-holiday permeable. The joints between non-holiday and festive times became at least softer and more flexible, which strikingly distinguished the Soviet model of the everyday and non-everyday relations from a strict pre-Soviet one.

Keywords: celebration culture, holiday functionality, holiday practices, late Stalinist era, Anniversary of the Great October Socialist Revolution, innovation, tradition, ritual, demonstration, holiday leisure

Article info: Received November 1, 2019; accepted for publication December 2, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Surzhikova N.V., Shishkin A.A. (2019) Between innovation and tradition: the feast of the Great October Revolution in the post-war Molotov. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 230–241. (In Russ.) <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-230-241>

Праздничная политика и праздничная культура эпохи позднего сталинизма – темы, которые являются актуальными и в хронологическом, и в проблемном отношении. Организация праздника, его процессуальная сторона, заложенные в нем идеи и символы, а также его восприятие людьми – всё это напрямую зависит как от контекста конкретной эпохи с характерными для нее взаимоотношениями общества и власти, так и от праздничных традиций. Изучить данные вопросы необходимо не только для того, чтобы понять праздничную политику и культуру сами по себе. Помимо того, противостоя повседневности, праздник позволяет увидеть ее границы и стыки, а также актуализировать проблему их размывания за счет рутинизации праздничных ритуалов.

Последняя особенно ярко проявлялась на советской периферии, что так или иначе просматривается в региональных исследованиях. Среди них следует отметить публикации С.Д. Багдасарян, М.К. Декановой, И.Н. Котылевой, Е.И. Красильниковой, С.В. Менькова, М.А. Мордасовой, И.Н. Прониной, С.Н. Шаповалова и др. (Багдасарян, 2012; Деканова, 2009¹; Котылева, 2005²; Красильникова,

2018; Меньков, 2016; Мордасова, 2005³; Пронина, 2015; Шаповалов, 2012). Авторы указанных работ сосредоточили своё внимание на разных аспектах советских праздников: праздничном календаре, формах праздничных торжеств, восприятии праздника советскими гражданами, официальных и неофициальных праздничных практиках. На фоне перечисленных выше исследований особенно выделяется исследование С.Ю. Малышевой, которая обратилась к теме рецепции праздников и праздничной символики 1920–1930-х гг. (Малышева, 2005). Концептуальное значение для понимания советских праздников также имеет работа немецкого исследователя М. Рольфа, который показал преемственность ритуальной стороны российских праздников имперского периода и советских праздничных установлений 1920–1930-х гг. (Рольф, 2009). Праздники эпохи позднего социализма, но уже с несколько иной стороны, изучены в коллективной монографии, посвящённой культурным ландшафтам сибирских городов. Авторы этой работы продемонстрировали, как способы организации праздничного времени изменяли городское пространство и каков был вектор этих изменений (Алисов, Гефнер, Золотова, Хилько, 2019. С. 78–96).

Отдельного внимания в рамках представленной статьи заслуживают работы, посвящённые празднованию главного советского праздника – Великого Октября. Обращаясь к этой теме, Г.А. Бордюгов показал, что Октябрьские торжества

¹ Деканова М.К. Трансформация российской праздничной культуры в конце XIX – первой трети XX в.: центр и провинция: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009. 19 с.

² Котылева И.Н. Праздничная культура Европейского Северо-Востока России в 1918 г. – начале 1930-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2005. 27 с.

³ Мордасова М.А. Праздничная культура Южного Урала в 1917–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2005. 26 с.

стали действенным инструментом «установления» новой коллективной исторической памяти и управления ею (Бордюгов, 2010). Американский историк Карен Петрон, в свою очередь, подметил, что в рамках празднования XX годовщины Октября официальная власть сформировала «новые» образы революции, которые полностью отвечали политическим целям сталинского курса периода Большого террора (Petrone, 2000. P. 149–174).

О.В. Хлевнюк, осветив организацию праздника Октябрьской революции в Москве в 1941 г., выявил уже тогда наметившиеся отличия праздничных торжеств военного времени и специфику праздничной риторики в речах И.В. Сталина (Хлевнюк, 2015. С. 298–300). Е.И. Красильникова посредством анализа материалов советской прессы при этом показала, что во время Великой Отечественной войны празднование Великого Октября опиралось на уже имевшиеся довоенные официальные образчики «с поправкой» на фронтовые и тыловые реалии, а также задачи, которые вставали перед страной по мере приближения победы (Красильникова, 2018. С. 173–183). Назначение же праздника, состоявшее, прежде всего, в формировании коллективной памяти населения через призму «официальной» версии революционного прошлого, оставалось неизменным. Коммеморативная составляющая праздника Октябрьской революции также изучена в работах В.В. Тихонова, попытавшегося реконструировать отношение населения к этому празднику в динамике – с 1917 г. до наших дней (Тихонов, 2016; Тихонов, 2017).

Очевидно, что при всем многообразии исследований праздника Октябрьской революции они не лишены лакун и, прежде всего, лакун хронологических, что и предопределило временные рамки настоящей статьи.

В качестве предварительного замечания следует постулировать, что функционал праздника многогранен (Шаповалов, 2012. С. 4). Но говоря о советском массовом празднике, прежде всего, следует отметить его мобилизационное, дидактическое и коммуникационное назначения. Праздничная политика, которая предполагала формирование и стабильное воспроизводство неких ритуа-

лизированных и сакрализированных действий (Щербинин, 1998), являлась мощнейшим рычагом государственно-идеологического воздействия на советское общество и потому требовала от праздника организованности и массовости. Особенно важным это было для праздников «первого порядка» (Рольф, 2009. С. 142) – главных советских праздников и, в первую очередь, для годовщины Октябрьской революции. Отмечавшиеся, начиная с 1918 г., ее события в «Кратком курсе истории ВКП (б)» преподносились как разгромная победа пролетариата над буржуазией, в результате которой в общественной собственности народа оказались фабрики, заводы, земля, железные дороги, банки, а сам пролетариат стал господствующим классом советского общества. Всё это позволяло трактовать Октябрьскую революцию как одно из решающих исторических событий XX века, «открывшее новую эру в истории человечества – эру пролетарских революций» (История Всесоюзной Коммунистической партии..., 1938. С. 214)⁴. Стоит ли удивляться, что в соответствии с «Кодексом законов о труде РСФСР», принятым еще в 1918 г., годовщина Октябрьской революции была включена в обиход немногочисленных нерабочих праздничных дней, отмечаясь как день Пролетарской Революции. Постановление ВЦИК СНК РСФСР от 30 июля 1927 г. «Об изменении статей 111 и 112 Кодекса законов о труде РСФСР» не только изменило название праздника на годовщину Октябрьской революции, но и повысило его статус, предписав отмечать ее два дня, 7 и 8 ноября. Единственным конкурентом годовщины Октября были, пожалуй, только дни Интернационала, также отмечавшие два дня, 1 и 2 мая. В 1951 г., когда общее число выходных дней было сокращено – статуса выходного дня лишился, в частности, день памяти В.И. Ленина (22 января), – годовщина Октября, равно как и майские праздники, сохранила свое привилегированное положение в советском праздничном календаре, обнаружив преимущество довоенной и послевоенной праздничной политики.

⁴ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда», 1938. 352 с.

Многие исследователи (Глебкин, 1998; Кустова, 2015; Малышева, 2005; Рольф, 2009; Шумихина, Попова, 2012) согласны с социологом К. Жигульским в том, что алгоритм главного советского праздника сформировался еще в довоенный период, обретая «универсальную структуру, соответствующую классической модели празднования государственных событий» (Жигульский, 1985. С. 144–145). Изменилась ли эта структура в послевоенный период в сравнении с предыдущими? Обновилось ли ее риторическое «подкрепление» и функционал праздника? Как соотносились торжественная и развлекательная составляющие праздника? Эти и другие вопросы мы и попытаемся хотя бы обозначить в данной статье, опираясь на нормативные и делопроизводственные материалы, а также периодическую печать и эго-источники. География исследования при этом ограничена городом Молотов (ныне – Пермь), и это не случайно. Этот региональный центр, к тому же находившийся на стыке европейской и азиатской частей СССР, позволяет изучать портрет любого явления на мезоуровне, выходя при необходимости на обобщения национального и локального свойства.

Сразу отметим, что внешне отмечание годовщины Великого Октября в послевоенный период изменилось мало. Центральным событием 7 ноября оставалась торжественная демонстрация, которая в Молотове проходила по главным улицам и заканчивалась на центральной площади города – площади Окулова. Будучи унаследованной от революционного рабочего движения модель, включавшая митинг и шествие, закрепились в качестве ведущей модели праздников во всех городах СССР (Кустова, 2015. С. 58–59). Исследователи отмечают, что подобные пешие переходы являлись заимствованием из предыдущих эпох, а именно прямой отсылкой к традиции праздничных крестных ходов (Шумихина, Попова, 2012. С. 205–208).

Как и везде, для участия в демонстрации жители Молотова собирались по своим предприятиям, учреждениям, организациям и домоуправлениям, а затем организованно следовали на районные сборные пункты. Колонны районов города, сформированные по производственному принци-

пу, примерно к 10 часам утра составлялись из рядов по 8 человек в каждом, и, проследовав по своему району, выходили к главной городской площади (ГАПК. Ф. Р-176. Оп. 6. Д. 115. Л. 424). Однако еще до этих колонн на площадь выходили военные и курсанты местных училищ: «...12 часов. На площадь выступает самая первая колонна – курсанты и офицеры Военно-морского авиационно-технического училища. Чёткий шаг, изумительная выправка!.. В след за ними идут курсанты и командный состав Молотовского пехотного училища. Будущие офицеры держат строгое равнение» (Празднование 29-й годовщины Октября в городе Молотове и области. Демонстрация в г. Молотове // Звезда. 1946. 10 нояб.). Участие военных в празднествах было важным элементом парада, особенно в послевоенное время. Это был одновременно и смотр военных сил, и послание внешнему врагу. Кроме того, участие военных частей в параде придавало ему организованность, масштабность и эффектность (Карпова, 2008).

Авангард колонны любого района был стандартным: «Твёрдой поступью проходят мимо трибуны учащиеся трудовых резервов, молодое поколение рабочего класса. За ними движется колонна района... Впереди на машине огромный портрет Вячеслава Михайловича Молотова, чье имя присвоено району. За машиной идут учащиеся школ. Они несут цветы, флаги и их колонна, как огромный цветник, под лучами солнца играет и переливается то голубым, то красным, то оранжевым... Следом за ней машина в золотых колосьях снопов. На ней юные физкультурники построились в пирамиду... Стройно проходят учащиеся школ, техникума...» (Празднование годовщины Октября в городах и районах области. Демонстрация в городе Молотове // Звезда. 1948. 10 нояб.). Очевидно, что приобщение детей и молодежи к праздничному церемониалу имело важнейшее значение, особенно в случае с праздником Великого Октября (Шапалов, 2012. С. 31). Праздник Октябрьской революции, будучи тесно связан с политической историей страны, служил эффективным инструментом политической социализации (Бородина, 2010). «Младший дошкольник, – отмечает в связи с этим

А.И. Щербинин, – переживал праздник, видя демонстрации, слыша звуки маршей и песни, неся маленький флажок – копию революционного знамени. А уже старшие дошкольники понимали, что праздник Октября – это "день рождения" Страны Советов..." (Щербинин, 1998. С. 85).

Следом за детьми и молодежью наступал черёд колонн заводов: «Эмблема завода имени Молотова впереди колонны завода. Идут коллективы механических заводов... Перед каждым цехом на машине его продукция: перфораторы, экскаваторы, торфопрессы, гидротурбины... За механическими цехами идут металлурги... За заводом движутся предприятия района...» (Празднование годовщины Октября в городах и районах области. Демонстрация в городе Молотове // Звезда. 1948. 10 нояб.). Таким образом выглядела колонна каждого из районов города: Сталинского (ныне – Свердловского), Молотовского (ныне – Мотовилихинского), Ленинского и Кагановичского (ныне – Дзержинского). Атрибуты производства, а где-то и его непосредственные результаты, став вспомогательными элементами оформления советских праздников еще в 1920-е гг. (Кустова, 2015), в послевоенный период получили новую смысловую нагрузку. Они «опредмечивали» факт успешного послевоенного восстановления советской экономики и ее возвращения к мирному поступательному развитию.

Формирование колонн подобным образом представляло парад и сам праздник как фактор массовой коммуникации людей, стоявших на разных этажах общественной и властной иерархии (военные и гражданские, дети и взрослые, трудящиеся и руководители, и т. д., и т. п.), что превращало его в живое культурное событие (Рольф, 2009. С. 10–11).

Демонстрация, однако, будучи безусловной кульминацией праздника, всегда оставалась лишь его частью. Кульминации-параду обязательно предшествовали торжественные заседания, проводившиеся 6 ноября на трех уровнях: уровне предприятий и учреждений, уровне района (в районных ДК), общегородском уровне (в ДК им. Сталина) (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 582. Л. 121–320).

Это были «шаблонные» мероприятия, в рамках подготовки которых каждый год выполнялась одна и та же организационная работа. Все приглашения распределялись согласно квотам, а приглашения на общегородское собрание – по квотам, которые выдавались на районы города (примерно половина всех мест), на областные партийные организации, районные партийные организации и военные части города (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 520. Л. 17–19). Списки приглашённых визировались местными партбюро, что исключало возможность появления на подобном мероприятии «случайных людей». Приглашения традиционно получала вся местная партийная элита, интеллигенция и рабочие, добившиеся успехов на производстве.

Общегородское торжественное заседание, венчая иерархию всех приуроченных к празднику заседаний, исключало любые импровизации и проводилось по стандартной схеме: заранее избранный Президиум (около 100 человек) занимал свои места в зале. После этого секретарь Обкома ВКП (б) зачитывал доклад о годовщине Октябрьской революции. В конце доклада поступало предложение послать приветственную телеграмму «Генералиссимусу Советского Союза Иосифу Виссарионовичу Сталину» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 143. Л. 2а), текст которой был подготовлен заранее и должен был сообщать об успехах Советского государства, а также о новых обязательствах советских людей, взятых перед товарищем Сталиным на следующий год (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 520. Л. 8–10). Телеграмма единогласно одобрялась, что знаменовало собой окончание официальной части. Оркестр исполнял гимн СССР (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 143. Л. 2а), после чего начинался большой праздничный концерт, в составе которого могло быть до 18 номеров (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 520. Л. 1; Д. 543. Л. 63–64). В клубах районов г. Молотова проводились примерно такие же заседания с тем лишь отличием, что после концерта начинались танцы, часто длившиеся до утра (ПермГАСПИ. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 81. Л. 58).

Анализ содержательной части демонстрации и торжественных заседаний (их оформления, риторики и пр.) свидетельствует, что при организации

празднования Великого Октября в послевоенный период с его коммеморативной составляющей, связанной с поддержанием советского мифа о славном революционном прошлом, успешно конкурировал миф о светлом советском будущем. Именно в связи с этим важнейшим – если не основным – компонентом главного советского праздника стало декларирование успехов строительства коммунистического общества, прежде всего, выражавшееся в подведении итогов социалистического соревнования. Оно как инструмент достижения наивысших показателей производительности труда, как средство мобилизации сил на экономическом фронте появлялось в повестке главного светского праздника еще задолго до самого праздника (табл.).

Как показывает городская и заводская печать г. Молотова 1945–1953 гг., тема предпраздничной трудовой вахты была стационарной для этих изданий, хотя сроки ее постановки могли отличаться. Раньше всех она появляется на страницах периодических изданий в 1947 г., в год чествования 30-летия Великого Октября (в феврале), а позже всех – в 1951–1953 гг. (в сентябре). Оставляя без внимания это легко объяснимое различие, можно уверенно утверждать, что соцсоревнование фактически раздвигало временные рамки праздника. Оно самим своим фактом не просто подчеркивало, что «только упорный труд даёт право на праздник», но и что труд как таковой – это уже часть праздника. Задававшаяся центральной «Правдой» риторика (Предоктябрьское социалистическое соревнование // Правда. 1950. 10 окт.; К светлой цели // Правда. 1952. 24 окт.), посредством которой ход и итоги соцсоревнования объективировались на местах и, в частности, в г. Молотове, была поэтому не просто риторикой борьбы за праздник, но и олицетворяла известный идеологический штамп, согласно которому советский человек шел «на работу как на праздник». Городская газета «Звезда» в связи с этим в октябре 1947 г. писала: «Коллектив доменщиков Чусовского металлургического завода, инициатор стахановского месячника, продолжает упорно бороться за выполнение своих обязательств к 30-летию Советского государства. С нача-

ла месяца ... они перевыполняют задание по выплавке чугуна ... достигнув выполнения 6-дневного плана на 110 процентов ... и выплавку 100 тонн добавочного чугуна в сутки» (Чусовляне подхватили призыв // Звезда. 1947. 8 окт.). Газета «Дзержинец», выходящая на производившем сепараторы и другую мелкую технику заводе им. Дзержинского, выпускала аналогичные парадные рапорты и в мае 1948 г. рассказывала своим читателям буквально следующее: «Коллектив участка мастера Тарутина в цехе т. Шадрина успешно борется за досрочное выполнение годовой программы. Участок досрочно, к 20 мая, выполнил уже шестимесячную программу на 125 процентов» (Пятилетку – в четыре года! Выполним годовой план к 7 ноября! В краснознаменном цехе // Дзержинец. 1948. 29 мая). В рамках такой логики антирекорды труда трактовались как угроза планам коллектива, а значит, и самому празднику: «Самым узким местом в работе цеха т[оварища] Борисова является участок гальванического лужения ... В августе коллектив этого участка выполнил план всего лишь на 65,5 проц[ента], а перелуда готовой продукции дошла до 40,9 проц[ента] ... Партийное руководство цеха решило проверить подлинные причины отставания в работе ... [В результате] был вскрыт целый ряд факторов небрежного отношения к порученной работе со стороны отдельных мастеров и рабочих ... Гальванизаторы! Ваше отставание позорит работу всего коллектива. Участок гальванического лужения может и должен работать строго по графику» (Гальванизаторы, ваше отставание позорит работу всего коллектива! // Дзержинец. 1946. 12 окт.).

Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что критика отстающих практически всегда соседствовала с позитивными примерами передовиков производства: «...Инженер тов[оварищ] Гросбаум вместе с командным составом цеха поиному организовал работу, что привело к значительному перевыполнению плана на протяжении уже 3-х месяцев подряд!.. Совершенно иная картина в цехах машиностроения ... Начальник цеха т[оварищ] Реймес не проявляет заботы о ритмичной работе цеха, не знает положения дел на каж-

Таблица

Системность упоминаний темы предоктябрьского социалистического соревнования в газетах «Звезда» и «Дзержинец», 1945–1953 гг.

Table

Systematic references to the topic of the pre-October socialist competition in the newspapers “Zvezda” and “Dzerzhinets”, 1945–1953

Год	Динамика упоминаний	Звезда: Орган Молотовского обкома и горкома ВКП (б) (КПСС), областного и городского Советов депутатов трудящихся	Дзержинец: Орган парткома и завкома завода им. Дзержинского
1945	Первое упоминание*	10 августа	13 октября
	Второе упоминание*	6 октября	20 октября
	Два и более упоминаний*	16–17 октября	
1946	Первое упоминание	17 апреля	12 октября
	Второе упоминание	18 сентября	19 октября
	Два и более упоминаний		
1947	Первое упоминание	21 февраля	1 марта
	Второе упоминание	25 февраля	22 марта
	Два и более упоминаний		
1948	Первое упоминание	16 мая	29 мая
	Второе упоминание	21 мая	5 июня
	Два и более упоминаний	2–3 октября	
1949	Первое упоминание	16 сентября	17 сентября
	Второе упоминание	17 сентября	24 сентября
	Два и более упоминаний		
1950	Первое упоминание	1 сентября	9 сентября
	Второе упоминание	3 сентября	16 сентября
	Два и более упоминаний		
1951	Первое упоминание	5 сентября	8 сентября
	Второе упоминание	15 сентября	15 сентября
	Два и более упоминаний	3–4 октября	
1952	Первое упоминание	6 сентября	Нет данных
	Второе упоминание	13 сентября	
	Два и более упоминаний	21–22 октября	
1953	Первое упоминание	20 сентября	12 сентября
	Второе упоминание	24 сентября	19 сентября
	Два и более упоминаний		

Источник: Звезда: Орган Молотовского обкома и горкома ВКП(б) (КПСС), областного и городского Советов депутатов трудящихся. 1945–1953; Дзержинец: Орган парткома и завкома завода им. Дзержинского. 1945–1951, 1953.

*Примечание: «Первое упоминание» – впервые поднимается тема предоктябрьского соревнования; «второе упоминание» – вопрос о соревновании ставится повторно; «два упоминания подряд» – тема предоктябрьского соревнования вызывает стабильный интерес и становится приоритетной.

дом производственном участке, не знает причин невыполнения суточного графика мастерами и не может, таким образом, повлиять на работу в цехе. Не таким должен быть начальник цеха!» (Дело за вами, тт. Реймес, Шуман и Левкович // Дзержинец. 1951. 22 сент.). Такое соседство, очевидно, было призвано символизировать исключительность трудовых успехов и, в конечном итоге, только фундировало идею праздничности труда. В любом случае экономическая составляющая празднования годовщин Великого Октября в планах этого празднования оставалась в послевоенные годы принципиально значимой и не допускала срывов в резко негативную и/или исключительно негативную риторичку.

Иначе просто не могло быть, потому что иначе – означало бы срыв праздника как такового. На это напрямую указывает анализ такого документа, как «План подготовки и проведения и празднования годовщины Великой Октябрьской социалистической революции по гор. Молотову». В нем, на первый взгляд, просто прописывались принципы организации и освещения предоктябрьского социалистического соревнования, направления и механизмы агитационно-просветительской работы, мероприятия, связанные с «обслуживанием трудящихся во время праздника» (например, предпраздничная торговля), требования к оформлению городских улиц и формулировки лозунгов, под которыми должны были выступать колонны демонстрантов. Однако, если присмотреться повнимательнее, за разделами «Плана...» легко угадывались общие задачи, стоявшие перед главным советским праздником. Социалистическое соревнование, к примеру, было призвано обеспечить решение мобилизационных задач. Агитационно-массовая работа позволяла празднику выполнять его дидактические функции. И так далее, и тому подобное. В конечном итоге организация праздника осуществлялась по принципу «эшелонированной подготовки», предполагая создание «многоэтажной иерархии праздничных комиссий» (М. Рольф), каждая из которых на своем уровне руководила комплексом тех или иных предпраздничных мероприятий. Массовое соцсоревнование, четко регламентированное

торжественное заседание и стройные колонны демонстрантов на городской площади – все это, таким образом, было результатом больших планомерных кампаний, ежегодная повторяемость которых придавала характер ритуализированного действия не только собственно празднику Великой Октябрьской революции, но и его подготовке. Границы, стыки между непраздничным и праздничным временем при этом становились как минимум мягче и гибче, что разительно отличало советскую модель отношений повседневного и неповседневного от более строгой досоветской.

С позиций рядового гражданина широко отмечавшееся октябрьское торжество и вовсе виделось условностью, поскольку тяготы послевоенного быта омрачали как будни советских людей, так и праздники. Они нередко оставались такими же серыми, и необустроенность послевоенного провинциального города только усиливала это ощущение. Так, в жалобе, поданной 8 июля 1947 г. на имя секретарей Молотовского обкома и горкома, состояние одной из главных улиц города, Комсомольского проспекта, растущих там деревьев, мостовой, изгородей, фасадов домов, заборов и т. д. описывалось всего одним, но емким словом, а именно словом «гнусно» (ПермГАСПИ. Ф. 4684. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–1 об.). При этом констатировалось, что на октябрьском «месячнике благоустройства... проходившем с привлечением общественности» уборка Комсомольского проспекта просто не коснулась (ПермГАСПИ. Ф. 4684. Оп. 1. Д. 9. Л. 2). Предпраздничная ярмарка, открывавшаяся за пару недель до праздника, также не особенно радовала горожан, поскольку на фоне привычной для послевоенного времени дороговизны многие из них страдали от безденежья. В связи с этим мастер моторостроительного завода № 19 А.И. Дмитриев сетовал в своем дневнике: «Вчера на пл[ощади] Окулова открылась предпраздничная ярмарка. Но я проходил там, когда она была ещё закрыта. А кое-что там есть. Можно купить! Но у нас сейчас пока нет свободных денег и нам ничего не придёт покупаться» (ПермГАСПИ. Ф. 6330. Оп. 5. Д. 13. Л. 57 об.).

Дневник А.И. Дмитриева позволяет предположить, что именно деньги, премия или зарплата, а не рекорды труда, демонстрации или концерты, были для советского человека лучшим подарком к празднику. Так, в дневниковых записях от 5 ноября 1946 г. он указывает: «Денег опять уже нет, а на днях уже праздник. Я даже не представляю, как мы его проведем» (ПермГАСПИ. Ф. 6330. Оп. 5. Д. 12. Л. 92), «Послезавтра праздник, намечается демонстрация, но много ли на ней будет народу – дело тёмное. Мы ждали, что к празднику дадут денег, а оказалось, что этого не будет. Теперь многие, в том числе и я, задумались, как провести праздничные дни. У меня ведь ещё даже вино не приготовлено, да и денег на него нет. Придётся опять занимать две или три сотки, а после рассчитывать» (ПермГАСПИ. Ф. 6330. Оп. 5. Д. 12. Л. 93). В записи от 3 ноября 1947 г. снова всплывает тема денег: «Скоро праздник! Говорят, что должны к нему выплатить окончательный расчёт...» (ПермГАСПИ. Ф. 6330. Оп. 5. Д. 13. Л. 92. Л. 58). И, наконец, 9 ноября 1948 г., Дмитриев с грустью констатирует: «В этом году октябрьские праздники я провёл очень плохо. Мы даже и не постряпали ничего. А выпить и совсем почти не пришлось. Ничего не поделаешь: денег-то нет...» (ПермГАСПИ. Ф. 6330. Оп. 5. Д. 13. Л. 92. Л. 131 об.).

Обязательные же атрибуты праздника и, прежде всего, октябрьская демонстрация могли восприниматься горожанами по-разному. Для инструктора горкома ВКП(б) Геннадия Чазова, наблюдавшего за парадом с центральной трибуны 7 ноября 1951 г., это был действительно праздник, радовавший глаз: «Ходили цехом на демонстрацию, вернее на трибуну... Здесь был с 11 дня до 3 часов. Погода стояла сравнительно морозная, но очень приятно смотреть на это праздничное, торжественное движение, приятно видеть радость и ликование народа. Колонны были достаточно красочно оформлены» (ПермГАСПИ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 65. Л. 1 об.). Однако для простых рабочих ежегодная октябрьская демонстрация являлась обыденностью, не обнаруживая при этом никаких признаков «ликования народа». В дневниковой записи от 10 ноября 1947 г. А.И. Дмитриев зафиксировал: «Я

пришёл на завод в 8 вечера [6-го ноября], и нам сказали, что мы будем работать до часу ночи... Из-за этого утром на другой день я и на [заводскую] демонстрацию не пошёл... Как и где я ходил – помню смутно. Знаю, что заходил к знакомым ребятам, но не застал их дома. Около Колхозного рынка встретились с колонной нашего завода. Прошёл с ними мимо трибуны, а потом мы с [товарищем] ушли ко мне» (ПермГАСПИ. Ф. 6330. Оп. 5. Д. 13. Л. 59–59 об.).

Примечательно, что практически любой советский человек, независимо от его места в системе социальных таксономий, связывал октябрьские праздники с обильными или не очень возлияниями алкоголя. Названный выше Геннадий Чазов, принадлежавший к партийной элите города, в 1951 г. описывал это так: «Домой приехали в 4 часа дня – покушали, немного выпили... Дождались [друзей], пошли [к другим друзьям]. Время провели хорошо: поставили пластинку Розы Баклановой "Танцуй-танцуй" и под звуки её пили и пили... Домой ушли поздно ночью, часов в 12... Сегодня утром голова раскалывается, поскольку была водка и брага: первой было мало, а второй – непотребно» (ПермГАСПИ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 65. Л. 1 об. – 2). Рабочий Александр Дмитриев, не входящий ни в какие элитные круги, тогда же засвидетельствовал примерно то же самое: «Пишу, как провёл праздничные дни. Утром ходили с [сыном] на демонстрацию, днём пили у [друга], а вечером ушли к [другому другу]. Там я так напился, что и не помню, как домой попал. Утром 8 ноября выпили у нас, а вечером снова ходили к [другу]. Там опять крепко выпили» (ПермГАСПИ. Ф. 6330. Оп. 5. Д. 14. Л. 78 об.).

При этом те самые деньги, на нехватку которых постоянно жаловался А. Дмитриев, накануне праздника и в праздничные дни трактовались им не иначе как средства, необходимые для приобретения алкоголя: «Если я достану 1,5 литра вина, то мне больше ничего и не надо. Мне можно все эти дни ходить только по гостям и дома совершенно не быть...» (4 ноября 1946 г.) (ПермГАСПИ. Ф. 6330. Оп. 5. Д. 12. Л. 92). На этом фоне более цивилизованные формы праздничного досуга рассматривались как вторичные и скорее омрачали «праздник»

рабочего, нежели украшали его, о чем свидетельствует запись от 17 ноября 1952 г.: «Пишу, как провели праздничные дни. Не пошёл на демонстрацию, так как работал допоздна 6-го ноября. 7-го ноября сходили в гости, пришли домой, выпили – и легли спать. На другой день пошли к [другу], там я здорово напился, а вечером ходили с [женой] на оперу "Иван Болотников". Или был я пьян, или опера была действительно плохая, но мне в театре ничего не понравилось. Едва дотерпел до конца» (ПермГАСПИ. Ф. 6330. Оп. 5. Д. 14. Л. 27 об.).

Женщины, как свидетельствуют источники, в праздник также не отказывали себе в употреблении горячительных напитков. Подтверждая это, жительница Молотова Клавдия Микрюкова 7 ноября 1945 г. в письме своему мужу, Михаилу Микрюкову, сообщала: «Как же встретили мы этот праздник? Танцевала я в клубе до 4 утра. Вчера показывали мы свои таланты. Выступили хорошо. А [твой друг] взялся меня "развеселить". А знаешь чем? Водкой, ясно дело. Прямо за кулисами. До этого было скучно, а после – весело» (ПермГАСПИ. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 81. Л. 58). Вполне вероятно, в свете такого рода свидетельств, что роль универсального интегратора масс в праздник играла вовсе не демонстрация и подобные ей массовые мероприятия, а привычка выпивать по поводу всенародного праздника.

Библиографический список

Алисов Д.А., Гефнер О.В., Золотова Т.Н., Хилько Н.Ф. Культурные ландшафты советского города: сибирские города позднего социализма. М.: Институт Наследия, 2019. 98 с.

Багдасарян С.Д. Формирование традиции советского праздника в деревне эпохи НЭПа // История и историки в контексте времени. 2012. № 9. С. 16–23.

Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа: культ юбилеев в пространстве памяти. М.: АИРО-XXI, 2010. 256 с.

Бородин С.Н. Школа как институт политической социализации: монография. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2010. 163 с.

Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М.: Янус-К, 1998. 167 с.

Жигульский К. Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышления социолога. М.: Прогресс, 1985. 336 с.

Все это, впрочем, вовсе не означает, что Октябрьские праздники в послевоенном Молотове развивались исключительно по сценарию «сначала демонстрация, а потом алкоголь». Вместе с тем, приведенные выше факты позволяют предположить, что, несмотря на, казалось бы, твердую политику формирования «новой», советской праздничной культуры, искоренить традиционные формы праздничного досуга властям так и не удалось даже после Великой Отечественной войны. Больше того, вполне вероятно, что они на фоне травматического опыта войны стали все более распространенными. Также вероятно, что это был осознанный компромисс власти и общества, который позволял советскому человеку в рамках праздника немного отдохнуть, «перевести дух», дабы затем снова бросить все свои силы на строительство социализма. Традиционные праздничные практики и, в частности, дружеские застолья, тем самым служили опорой новой праздничной культуре и были не менее значимым компонентом праздника, нежели обязательная октябрьская демонстрация. Кроме того, эти практики не имели отрыва от повседневных реалий и вкпе с бесконечной советской риторикой подготовки к очередному советскому торжеству превращали границы между праздником и непраздником в проницаемые.

References

Alisov D.A., Gefner O.V., Zolotova T.N., Khil'ko N.F. (2019) Cultural landscapes of the Soviet city: Siberian cities of late socialism. Moscow: Institut Naslediya. 98 p. (In Russ.)

Bagdasaryan S.D. (2012) The formation of the tradition of the Soviet holiday in the village of the NEP era. *Istoriya i istoriki v kontekste vremeni* = History and historians in the context of time. No. 9. P. 16–23. (In Russ.)

Bordyugov G.A. (2010) October. Stalin. Victory: the cult of anniversaries in the space of memory. Moscow: AIRO-XXI. 256 p. (In Russ.)

Borodina S.N. (2010). School as an institution of political socialization. Krasnodar: Kuban State University. 163 p. (In Russ.)

Glebkin V.V. (1998) Ritual in the Soviet culture. Moscow: Yanus-K. 167 p. (In Russ.)

Zhigul'skii K. (1985) Holiday and culture. Holidays old and new. Reflections of a sociologist. Moscow: Progress. 336 p. (In Russ.)

Карпова Г.Г. Праздник в контексте социальных изменений: традиция и власть. Саратов: Научная книга, 2008. 148 с.

Красильникова Е.И. «Мы помним день 7 Ноября». Октябрьские торжества в Сибири: коммеморативный аспект (1920–1945). Новосибирск: Золотой колос, 2018. 226 с.

Кустова Э.М. Советский праздник 1920-х годов в поисках масс и зрелищ // Неприкосновенный запас. 2015. № 3. С. 57–77.

Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутен, 2005. 398 с.

Меньков С.В. Процесс организации советских государственных праздников на Алтае в 1930-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 10. С. 84–87.

Пронина И.Н. Массовый праздник в советской социокультурной модели // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 19 (374). С. 114–21.

Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. 438 с.

Тихонов В.В. Революция 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. 2017. № 2. С. 92–112.

Тихонов В.В. Революция повторяется (образ революции 1917 г. в эпоху перестройки) // Новое прошлое. 2016. № 2. С. 205–216.

Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М.: АСТ; CORPUS, 2015. 464 с.

Шаповалов С.Н. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918–1930-е гг. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2012. 125 с.

Шумихина Л.А., Попова В.Н. Эстетика парадов и демонстраций как праздничных ритуалов советской культуры // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 203–208.

Щербинин А.И. Тоталитарная индоктринация: у истоков системы. Политические праздники и игры // Полис. 1998. № 5. С. 79–96.

Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrade. Bloomington: Indiana Univ. Press, 2000. 266 p.

Критерии авторства

Н.В. Суржикова и А.А. Шишкин выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Karpova G.G. (2008) Holiday in the context of social change: tradition and power. Saratov: Nauchnaya kniga. 148 p. (In Russ.)

Krasil'nikova E.I. (2018) "We remember the day of November 7th." October festivities in Siberia: commemorative aspect (1920–1945). Novosibirsk: Zolotoi kolos. 226 p. (In Russ.)

Kustova E.M. (2015) Soviet holiday of the 1920s in search of the masses and circuses. *Neprikosnovennyi zapas* = Emergency ration. No. 3. P. 57–77. (In Russ.)

Malysheva S.Yu. (2005) Soviet festive culture in the province: space, symbols, historical myths (1917–1927). Kazan': Ruten. 398 p. (In Russ.)

Men'kov S.V. (2016) Soviet public holidays organization in Altai in the 1930s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Tomsk State University Journal. No. 10. P. 84–87. (In Russ.)

Pronina I.N. (2015) Mass festivity in the soviet socio-cultural model. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Chelyabinsk State University. No. 19 (374). P. 114–21. (In Russ.)

Rol'f M. (2009) Soviet mass holidays. Moscow: ROSSPEN. 438 p. (In Russ.)

Tikhonov V.V. (2017) The Revolution of 1917 in the commemorative practices and historical policy of the Soviet era. *Rossiiskaya istoriya* = Russian History. No. 2. P. 92–112. (In Russ.)

Tikhonov V.V. (2016) The revolution repeats itself (the image of the revolution of 1917 in the epoch of perestroika. *Novoe proshloe* = The New Past. No. 2. P. 205–216. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. (2015). Stalin. The life of one leader Moscow: ACT; CORPUS. 464 p. (In Russ.)

Shapovalov S.N. (2012) The genesis of the Soviet public holidays in the Kuban in the 1918–1930-s Krasnodar: Kuban State University. 125 p. (In Russ.)

Shumikhina L.A., Popova V.N. (2012) Aesthetics of parades and demonstrations as festive rituals of Soviet culture. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* = Theory and Practice of Social Development. No. 5. P. 203–208. (In Russ.)

Shcherbinin A.I. (1998) Totalitarian indoctrination: at the origin of the system. Political holidays and games. Polis. No. 5. P. 79–96. (In Russ.)

Petrone K. Life has become more joyous, comrade. Bloomington: Indiana Univ. Press, 2000. 266 p.

Attribution criteria

N.V. Surzhikova, A.A. Shishkin made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and documents for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторах

Суржикова Наталья Викторовна,

доктор исторических наук, заместитель директора,
Институт истории и археологии УрО РАН,
научный сотрудник,
Южно-Уральский государственный университет,
620219, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16,
Россия,
✉ e-mail: snvplus@mail.ru

Шишкин Александр Александрович,

научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных
гуманитарных исследований,
Институт истории и археологии УрО РАН,
620219, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16,
Россия,
✉ e-mail: shishkin.aleksandr.a@gmail.com

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Information about the authors

Natalia V. Surzhikova,

Dr. Sci. (History), Deputy Director,
Institute of History and Archaeology of Ural Branch of the
Russian Academy of Sciences,
researcher,
South Ural State University,
16 Sofi Kovalevskoi street, Ekaterinburg 620219, Russia,
✉ e-mail: snvplus@mail.ru

Aleksandr A. Shishkin,

Researcher at the Laboratory for Interdisciplinary Humanitarian Studies,
Institute of History and Archaeology of Ural Branch of the
Russian Academy of Sciences,
16 Sofi Kovalevskoi street, Ekaterinburg 620219, Russia,
✉ e-mail: shishkin.aleksandr.a@gmail.com